

**К вопросу о положении поместного казачества
на юге Российского государства после Смуты
(1604 – 1618; по материалам Елецкого уезда)
Рощупкин Алексей Юрьевич
студент**

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, Елец, Россия.

E- mail: alex.roschupkin@rambler.ru

После заключения мирного соглашения между Речью Посполитой и Москвой в 1618 г., известного как Деулинское перемирие, перед русским правительством встали проблемы по обустройству пограничных городов и восстановлению разрушенных и сожженных крепостей на южных рубежах Российского государств. (Платонов, 2001, с. 352). Как отмечает ряд исследователей, численность гарнизонов служилых людей южной оборонительной системы в результате событий Смутного времени катастрофически уменьшились. В связи с этим поредевшие гарнизоны пополнялись за счет перевода служилых людей из городов, отошедших по Деулинскому перемирию к Речи Посполитой, либо за счет начавшегося сыска служилых людей. В 1619 г. правительство активно начинает заселять южные рубежи представителями вольного казачества, которые проживали на территории центральных уездов (Москва, Можайск, Ярославль, Владимир и др.).

«Верстания» казаков начали сначала проводить в Москве, а затем еще в ряде городов, в частности в Великих Луках. Новым в них было то, что поместные и денежные оклады назначались не только участникам ополчений, но и казакам, начавшим служить после освобождения Москвы. Если ранее перевод казаков происходил в основном на севере, то на этот раз подавляющее большинство верстанных казаков было поселено на юге, на дворцовые земли и землях, отписанных у столичных дворян в «украинных городах» (Станиславский, 1990, с. 207).

Документы Печатного приказа, отказные и писцовые книги, десяти и другие источники позволяют составить достаточно полную картину земельного устройства казаков после Деулинского перемирия. Самые ранние сведения о получении поместий относятся к февралю – марту 1619 г. Весной этого же года было установлено соотношение между величиной поместных окладов и реальными дачами, находящимися во владении у казаков.

К весне 1619 г. относятся первые сведения в документах Печатного приказа о наделении казаков поместьями в Елецком уезде. Основной материал по этому вопросу сосредоточен в десятиях 1621/22 г. Нами используется десятина по Ельцу 1622 г. составленная воеводой Семеном Волынским (РГАДА Ф. 210. Оп. 4. Д. 87). Цель нашей работы заключается в попытке составить представление о елецких поместных казаках в обозначенный период, используя имеющийся фактический материал.

В десятне перечислены три атамана, шесть есаулов и 44 рядовых казака с поместными и денежными окладами. Каждый из атаманов имел при себе оружие - самопал, саблю, короткую пищаль; конный верховой транспорт для военных целей – «конь добрый», а так же коня для гужевых нужд – «конь простой». Вооружение есаулов и рядовых казаков было практически идентично. Оно состояло из самопала, сабли и коня. И только у некоторых казаков встречается «саадак» (комплект состоящий из лука, колчана, налучье и т.д.)

Деление казаков в десятне подчиняется определенной закономерности – соблюдается военная иерархия. Вначале списка идут поместные казацкие атаманы, затем есаулы, а потом уже другие казаки. В свою очередь в данных группах идет свое деление. Оно связано с земельными окладами, закрепленными за каждым из казаков. Исходя из документов видно, что величина оклада варьирует в рамках от 150 до 500 четвертей. У атаманов от 300 до 500 чет., есаулов от 200 до 300 чет., а у « казаков из разных станиц» от 150 до 450 чет. Эти цифры показывают тот земельный максимум, который могут получить за свою службу казаки. Однако реальный надел, находящийся у них в руках, не соответствует полной величине установленного оклада. Он порой несоизмеримо низок с

обозначенной ставкой. Так, например, рядовой Арсений Семенов при общем земельном окладе в 300 четвертей в реальном пользовании имел лишь 60 четвертей.

Как показывает анализ данных, земельный оклад влиял на количество земли, находящейся во владение у казака – поместье. С уменьшением оклада уменьшался и реальный надел. Однако встречаются исключения. У некоторых рядовых казаков поместье было почти в несколько раз больше чем у выше стоящего по званию. В частности, при одинаковом земельном окладе в 300 чет., рядовой казак А. Федоров имел в своем поместье 75 чет., а есаул Иван Дмитриев всего лишь 46 чет. Возникает закономерный вопрос, с чем это могло быть связано. На наш взгляд, ответ кроется в политике государства, которое при распределении наделов учитывало не только положение казака, но и на его заслуги. В противном случае если бы не учитывался последний фактор, среди казаков могло возникнуть объединение лиц, отстаивающих свои интересы. Это могло в дальнейшем привести к их столкновению с властями. Так многим казакам за смоленскую службу или за участие в Можайской осаде были выделены дополнительные наделы в пользование (Платонов, 2001, с. 352). Большинство получило по 50 чет., но были награды и по 100 чет. Наряду с выделенными поместьями у ряда казаков имелось и вотчинные земли. Их величина не превышала 60 чет., но они могли быть реальным подспорьем в хозяйстве. Весной 1619 г. был принят указ о частичном «перевode» в вотчины поместий участников обороны Москвы 1618 г. вошедших в «осадный список». С каждых 100 четвертей оклада служилые люди имели права перевести из поместного владения в вотчинное 20 четвертей земли.

При дальнейшем рассмотрении десяти видно, что оклад имел значение не только при раздаче поместий, но и при выдаче денежного жалования. Особенно ярко это прослеживается у рядовых казаков. Так 350 чет. $\approx$ 12 руб.; 300 чет. $\approx$ 8 руб.; 250 чет. $\approx$ 7 руб.; 200 чет. $\approx$ 6 руб.; 150 чет. $\approx$ 6 – 5 руб.. Денежный максимум наблюдается у атаманов – 15 руб.. У есаулов была четко фиксированная ставка в 10 руб.. В данном случае прослеживается зависимость денежного оклада не только от общего земельного оклада, но и от звания казака. Казаки, участвовавшие в военных действиях при Можайске и Смоленске, имели дотации к основному жалованью от 2 до 6 руб.

На земельных наделах и в вотчинах казаков работали крестьяне и бобыли. Количество тех и других было немногочисленно, их число колебалось в пределах от 1 до 6 человек. В том случае, когда у казака был небольшой земельный надел или ему не позволяло его финансовое состояние, в его распоряжение могли быть несколько крестьян или бобылей. Когда же казак один работал на своей земле, его причисляли к разряду одноквартцев. В десяти упоминаются трое таких казаков, остальные имеют хотя бы одного крестьянина или бобыля.

Некоторые казаки к 1621/22 г. начали покидать свои поместья и вотчины. В связи с переселением казаков было издано постановление, которое запрещало отпускать казаков в другие города и покупать у них поместья и вотчины. Земли тех казаков, которые уходили в «монастырские служки» или в холопы в боярский двор или еще куда – нибудь велено было отписывать на «государя».

Почему казаки покидали свои наделы? Возможно, это было связано с тем, что посаженные на землю бывшие вольные казаки, оказавшиеся в роли мелких помещиков, не могли справиться с ведением хозяйства и смириться со своим новым положением государевых «холопов». Так количество елецких поместных казаков уменьшилось на 10 человек. Многие из казаков переселились в Москву и Воронеж. Одни из них начали служить на боярских дворах и в гарнизонах, а другие стали вести разгульный образ жизни (про них в десяти сказано: «валяется по кабакам»). Другая часть отправилась в служение на монастырских дворах в Сибири и в Москве. Освободившиеся владения передавались правительством либо другим казакам, реже детям боярским. Порой один и тот же земельный участок перепродавался несколько раз.

Рассмотрев положение елецких поместных казаков, мы можем сравнить его с положением мелких помещиков и помещиков «средней руки». В целом верстанные казаки, получившие земли, не слишком отличались в имущественном отношении от окружавших их детей боярских. Поместные оклады дворян колебались от 100 до 650 четвертей, денежные от 4 до 25 руб., оклады казаков соответственно от 150 до 500 четвертей и от 5

до 15 руб. Военная амуниция казаков и дворян была практически идентична, отличалось лишь в комплектации. Количество крестьян и бобылей в поместьях и вотчинах детей боярских было примерно равно их количеству у казаков. Среди них так же не были исключением «однодворцы», не имевшие собственных крестьян и бобылей (Ключевский, 1988, с.83). Таким образом, видно, что по своему положению поместные казаки незначительно отличались от рядового мелкопоместного дворянства (детей боярских).

Подводя итог, по рассмотренному вопросу мы пришли к выводу, что «испомещение» в южные гарнизоны казаков это продуманный ход нового правительства по умиротворению положения среди самого нестабильного элемента российского государства – казачества. Вероятно, всего с этим связано и наделение их поместьями соизмеримыми с окладами мелкопоместных дворян и дворян «средней руки». Кроме того, перевод их на юг мог разрядить ситуацию в Москве и близлежащих районах, где после событий Смутного времени наблюдалась большая концентрация казацких атаманов и их отрядов, которые порой грабили местных жителей.

Литература.

1. РГАДА. Ф. 210. Дела десяти. Оп. 4. Д. 87.
2. Ключевский В.С. Курс русской истории. Сочинение в девяти томах. Часть III. – М.: Мысль, 1988.
3. Платонов С.Ф. (2001) Полный курс лекций по русской истории. – СПб.: Литература.
4. Станиславский, А.Л.(1990) Гражданская война в России XVII века. Казачество на переломе истории. – М.: Мысль.